

И.Гурвич
ЗАБЫТЫЙ ПИСАТЕЛЬ

I.

Если русский писатель почему-либо при жизни основательно забыть публикой и печатью, то, чтобы заставить послѣднія вспомнить о себѣ, онъ долженъ умереть. Только смертью своей писатель — да и прочій «отставной» дѣятель — можетъ разсѣять на нѣсколько дней тьму забвенія, которой по той или иной причинѣ обволокано его имя. Таково установившееся у насъ правило. Но если нѣтъ правила безъ исключенія, то пусть настоящая статья. будетъ такимъ исключеніемъ.

Когда приблизительно года два тому назадъ въ газетахъ появилось извѣстіе о скоропостижной кончинѣ за чашкой утренняго кофе стараго писателя-народника Николая Николаевича Златовратскаго, еще въ восьмидесятыхъ годахъ минувшаго столѣтія довольно популярнаго и съ интересомъ читаемаго, многіе недоумѣвающе пожимали плечами и, правда, нѣсколько робѣя, спрашивали:

— Развѣ Златовратскій не умеръ уже давно?

Такой вопросъ представлялъ собою лишнюю иллюстрацію къ знаменитому некрасовскому стиху:

Братья-писатели!

Въ вашей судьбѣ

Что-то лежитъ роковое...

Тѣмъ не менѣе нельзя было усмотрѣть особаго трагизма писательской судьбы въ томъ фактѣ, что Златовратскій еще при жизни нѣкоторое время числился въ спискѣ отошедшихъ въ вѣчность, По крайней мѣрѣ сама его фамилія никакого сомнѣнія не вызывала, и никто не долженъ былъ прибѣгнуть къ усиленному напряженію памяти, чтобы сразу составить себѣ понятіе о томъ, кто такой Златовратскій, чьимъ именемъ были озаглавлены газетные некрологи.

Но вотъ появивсь завтра, послѣзавтра въ печати, то или иное извѣстіе о маститомъ писателѣ Дмитріи Ивановичѣ Стахѣевѣ, и уже не *многіе* только, а почти вся русская читательская публика разведетъ руками и, — не ограничиваясь лишь возгласомъ недоумѣнія: «развѣ Стахѣевъ не умеръ уже давно?» — съ плохо скрываемой улыбкой спросить:

— Развѣ есть или былъ такой писатель?

Да, былъ и есть такой писатель, ибо Стахѣевъ еще живъ, хотя никто объ этомъ не подозреваетъ. Стахѣевъ — авторъ многочисленныхъ, различнѣйшаго объема и содержанія, романовъ, повѣстей, рассказовъ, очерковъ и стихотвореній, авторъ не какихъ-нибудь, а истинно литературно-

художественныхъ произведеній, печатавшихся въ свое время въ лучшихъ органахъ русской журналистики: въ «Вѣстникъ Европы», «Отечественныхъ Запискахъ», «Дѣлѣ», «Словѣ», «Русскомъ Словѣ», «Русскомъ Вѣстникѣ» и др., рядомъ съ твореніями Тургенева, Гончарова, Писемскаго, Григоровича и ихъ достойныхъ собратьевъ по перу. О Стахѣевѣ всегда сдержанный и нелицепріятный, тонкій и чуткій критикъ-философъ Н.Н. Страховъ писалъ: «Дарованіе Стахѣева имѣетъ такой складъ, который дѣлаетъ изъ него подражателя Гоголю, но не копировщика, а, такъ сказать, оригинальнаго подражателя, который впадаетъ въ тонъ образца невольно, по требованію своей собственной натуры. Чисто гоголевскій тонъ, который такъ сильно подѣйствовалъ, когда слышался въ первый разъ, однакоже, къ величайшему удивленію не повторялся, не появлялся у другихъ писателей. Очевидно, этотъ тонъ вовсе не легко брать и выдерживать, несмотря на кажущуюся его простоту. У Стахѣева же онъ появляется въ большой чистотѣ».

Стахѣевъ — тотъ самый, которому выдающійся лирикъ А.Н. Майковъ, нерѣдко щедрый на похвалу, постоянно говорилъ:

— Вы не имѣете права умереть, васъ земля не приметъ, пока вы не напишете своей автобіографіи, это не только будетъ интересно, это будетъ поучительно и въ великой степени полезно для молодого поколѣнія, которое изъ нея увидитъ, что можетъ сдѣлать воля, хорошо направленная.

Наконецъ, Стахѣевъ — тотъ самый, который создалъ всероссійско-извѣстной въ настоящее время «Нивѣ» ея выдающійся и непримѣрный въ исторіи нашей журналистики успѣхъ.

Когда же, сколько двадцатипятилѣтій тому назадъ, любопытствуете вы узнать, прекратилась литературная дѣятельность Стахѣева, если о немъ читающая наша публика не только не помнитъ, но и ничего рѣшительно не знаетъ, не знаетъ даже про самое существованіе его, какъ писателя? Послѣдній и одинъ изъ лучшихъ и наиболѣе крупныхъ его романовъ — «Духа не угашайте!» — появился въ печати въ концѣ 1896 г., а полное собраніе его сочиненій въ двѣнадцати томахъ вышло всего навсего лѣтъ двѣнадцать назадъ, а именно въ 1902 году. Вотъ тутъ-то и развертывается передъ вами во весь свой ростъ то «роковое», которое, по словамъ поэта, лежитъ въ судьбѣ русскаго писателя.

«На извѣстной ступени развитія общество пріучается относиться серьезнѣе и къ писателямъ, не отмѣченнымъ печатью геніальности; оно помнитъ ихъ, знаетъ имъ цѣну, время отъ времени перечитываетъ ихъ. Французы знаютъ и почитаютъ старыхъ своихъ прозаиковъ съ тѣмъ вниманіемъ къ писателю, которое знаменуетъ высокую воспитанность литературныхъ вкусовъ. Нѣмцы даже хватаютъ черезъ край; не довольствуясь общепризнанными гигантами родной литературы, они относятся съ преувеличеннымъ преклоненіемъ къ

писателямъ, не пережившимъ своей славой; они перечитываютъ и изучаютъ своихъ Мюллеровъ, Коцебу или Бирхъ-Пфейферовъ съ интересомъ, котораго не дождутся у насъ скоро Державинъ или Батюшковъ. На Западѣ умѣютъ почитать писателей и не «сопричтенныхъ»; у насъ ихъ забываютъ. Ихъ не только не перечитываютъ, не штудируютъ: забываютъ ихъ имена до такой степени, что черезъ четверть вѣка новое поколѣніе не слышитъ и не знаетъ именъ людей и названій произведеній, которыя такъ или иначе были выразителями только что пережитыхъ общественныхъ настроеній. У насъ не только не читаютъ Даля, Аванасьева-Чужбинскаго, князя В.О. Одоевскаго, Панаева, Дружинина, Пальма: у насъ просто не знаютъ именъ Гирса, Новодворскаго, Куцевскаго, разъ въ послѣдней книжкѣ журнала нѣтъ ихъ произведеній. Будь здѣсь одна историческая несправедливость, не было бы большой печали; но это грустное явленіе живо и доселѣ своими вредными послѣдствіями, ибо оставляетъ не совсѣмъ желательные слѣды на общемъ образованіи новыхъ поколѣній. Они, т.е. новыя поколѣнія, воспитываются внѣ исторіи, внѣ связи со вчерашнимъ днемъ; имъ чужды настроенія ихъ отцовъ, ибо они не знаютъ, чѣмъ вызывались и въ чемъ находили себѣ выраженіе эти настроенія...»

Такъ сѣтуетъ на русское общество одинъ изъ современныхъ критиковъ, но онъ же, напоминая обществу о незаслуженно забытыхъ Аванасьевъ-Чужбинскомъ, Гирсѣ, Пальмѣ и т.д., не считаетъ нужнымъ обратить вниманіе на Стахѣва. Послѣдняго ни единымъ словомъ не помянулъ и Скабичевскій въ своей «Исторіи новѣйшей литературы», гдѣ приведено до двухсотъ именъ, подчасъ совершенно лишенныхъ какого-либо значенія для русскаго художественнаго слова.

Взглянувъ въ энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона и въ большую энциклопедію «Просвѣщенія», вы тоже никакого представленія о Стахѣвѣ не вынесете. Въ первомъ ему посвящено ровно девятнадцать строкъ, перечисляющихъ лишь названія его крупнѣйшихъ произведеній и заканчивающихся довольно двусмысленными словами: «имѣлъ почитателя своего таланта въ лицѣ Н.Н. Страхова». Какъ будто вся заслуга Стахѣва и заключается только въ томъ, что почитался однимъ Страховымъ. Въ «Большой энциклопедіи» находимъ еще меньше свѣдѣній: указаны лишь годъ и мѣсто рожденія Стахѣва и всего нѣкоторыя изъ его сочиненій. Такимъ образомъ по отношенію къ Стахѣву сѣтовать приходится не на одну читающую публику, но и на критиковъ и историковъ, съ мнѣніями и взглядами которыхъ публика болѣе или менѣе считается и руководствуется.

Почувствовавъ влеченіе къ перу въ серединѣ шестидесятыхъ годовъ, обративъ сразу на себя вниманіе своими очерками-разказами, открывъ себѣ съ первыхъ же шаговъ двери многочисленныхъ редакцій и развернувъ въ

началъ семидесятихъ годовъ свой талантъ во всемъ блескѣ, молодой Стахѣевъ завоевалъ себѣ значительную извѣстность. Та часть журналистики, которая диктаторствовала въ то время, настойчиво ждала отъ восходящей литературной звѣзды, чтобы она всецѣло перешла въ ея лагерь, проникнулась ея стремленіями и отдалась службѣ ея задачамъ. Стахѣевъ же, въ силу своего умственного и душевнаго склада, не чувствовалъ склонности замкнуться въ извѣстныя рамки, брать на себя извѣстныя обязанности и преклоняться передъ тѣмъ, что не вызывало его сочувствія. Молодой писатель, очевидно, хорошо взвѣсивъ всѣ данныя своего дарованія, хорошо проанализировавъ свои влеченія, остановился на области русскаго быта, русскихъ нравовъ и, чтобы оставаться ея объективнымъ и прямымъ художникомъ, рѣшилъ ни къ какому лагерю не приставать, а ходить безъ партійныхъ указокъ, лишь туда, куда направить его художественное чутье. Такое рѣшеніе было для того времени слишкомъ смѣло и не могло не оказаться чреватымъ весьма реальными послѣдствіями. Критика, лучшими и всевластными представителями которой были люди прямые и послѣдовательные, и не подумала простить Стахѣеву его самостоятельность и объявила ему бойкотъ, выразившійся въ замалчиваніи его произведеній. Это, понятно, положило немедленно начало равнодушію публики къ произведеніямъ молодого писателя, равнодушію, которое, въ силу своей природы, растеть не по днямъ, а по часамъ.

«Все, что было когда-то напечатано о моихъ литературныхъ трудахъ — передъ вами, — пишетъ мнѣ Д.И. Стахѣевъ въ февралѣ 1912 года, узнавъ, что я собираюсь напомнить о немъ русскому обществу, насколько это мнѣ можетъ быть по силамъ. — Дополнить можно и — много, но говорить о себѣ самому автору неудобно, другіе же молчатъ и молчали, не много, не мало — сорокъ лѣтъ. Когда-нибудь впослѣдствіи смягчится та непріязнь, которой я — едва ли заслуженно — подвергался всю жизнь. Теперь, вступивъ уже въ восьмое десятилѣтіе моей земной жизни, пожалуй, уже опоздалъ рассказывать о прошломъ, да и рассказывать, пожалуй, на приближающемся закатѣ, по-моему, не слѣдуетъ. Мнѣ уже семьдесятъ три года и — пора собираться въ дальнюю дорогу. Могу помянуть недобрымъ словомъ моихъ собратьевъ, уже окончившихъ свой земной путь, только никогда этого не сдѣлаю — Богъ имъ судья!.. Теперь, оглядываясь назадъ и мысленно обозрѣвая всѣ тѣ рвы и крутизны и обвалы, которыхъ было на моемъ пути много, много, — я не ропщу на судьбу, напротивъ, благодарю ее за все пережитое и перечувствованное. «Слава Богу за все!» — повторяю я слова святителя Василія Великаго, окончившаго свою скорбную жизнь въ изгнаніи и съ этими словами перешедшаго въ другой міръ»...

Какъ мало словъ, какъ не по-старчески сдержанъ звучащій по чьему-то адресу упрекъ, но какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, выразительно-трогательна жалоба старика на свою судьбу, судьбу русскаго брата-писателя!

II.

Автобіографію свою, о которой Майковъ утверждалъ, что она «не только будетъ интересна, но будетъ поучительна и въ великой степени полезна для молодого поколѣнія, которое изъ нея увидитъ, что можетъ сдѣлать воля, хорошо направленная», Стахѣевъ написалъ. Однако того, что хотѣлъ въ ней видѣть покойный поэтъ, она въ себѣ не заключаетъ. Самые интересные и, главнымъ образомъ, поучительные эпизоды и даже періоды своей жизни, въ которыхъ именно доминируетъ «воля, хорошо направленная», Стахѣевъ, если не совсѣмъ обходитъ молчаніемъ, то, во всякомъ случаѣ, детально не излагаетъ. Вообще, автобіографія написана суховато, сжато и крайне поверхностно. Объясняется это тремя причинами: писана она была тогда, когда писатель считалъ, что онъ уже никому не интересенъ, — это во-первыхъ; во-вторыхъ, многого коснуться не позволила Стахѣеву врожденная его скромность, а, въ-третьихъ, замалчивая нѣкоторыя подробности, онъ имѣлъ въ виду тѣ или иныя изъ своихъ художественныхъ произведеній, гдѣ преобладающимъ элементомъ является автобіографическій и, слѣдовательно, содержатся уже эти подробности.

Какъ бы ни была, однако, кратка и скромна эта автобіографія, находящаяся сейчасъ въ моемъ распоряженіи, какъ ни смутны въ ней указанія на отражающія дѣйствительность пережитаго мѣста въ романахъ и повѣстяхъ, мнѣ не трудно было набросать по ней болѣе или менѣе приблизительный портретъ Стахѣева въ его житейской и писательской обстановкѣ. При этомъ я пользовался еще нѣкоторыми другими матеріалами въ видѣ его неизданныхъ стихотвореній, статей, записокъ и т. д.

Дмитрій Ивановичъ Стахѣевъ родился 2-го февраля 1840 года въ городѣ Елабугѣ, Вятской губерніи, основанномъ однимъ изъ его предковъ, который былъ родомъ изъ Новгорода Великаго, но въ царствованіе Іоанна III ушелъ оттуда на Каму, занялъ вольную землю въ теперешней Вятской губерніи и основалъ небольшое селеніе, получившее вскорѣ названіе Трехсвятскаго, а въ 1708 году переименованное въ Елабугу со внесеніемъ въ разрядъ городовъ. Начиная съ этого предка, занявшагося на новомъ мѣстѣ торговлей, къ купеческому сословію въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій принадлежалъ весь родъ Стахѣевыхъ, наиболѣе яркимъ представителемъ котораго въ смыслѣ обширности торговыхъ оборотовъ и богатства оказался отецъ писателя. Являя собою обычный типъ стараго провинціального купца, могущественнаго, благодаря огромнымъ средствамъ, Стахѣевъ-отецъ

тиранилъ свою семью, всѣхъ зависѣвшихъ отъ него людей и, конечно, косвенно, привелъ къ тому, что изъ его сына, способности котораго и толковость внушали самая радужная надежды родительскому сердцу, вышелъ не купецъ, а профессиональный писатель.

Какія Стахѣевъ-отецъ оставилъ по себѣ воспоминанія въ душѣ Дмитрія Ивановича, видно изъ слѣдующихъ страницъ, посвященныхъ писателемъ своему родителю въ романѣ «Наслѣдники».

Онъ (герой романа Иванъ Петровичъ, подъ чьимъ именемъ авторъ подразумѣваетъ себя) невольно, самъ того не замѣчая, совершенно перенесся мыслью далеко, на сѣверо-востокъ отъ Петербурга, туда, гдѣ «сливаясь шумяты, обнявшись, будто двѣ сестры», двѣ громадныя рѣки (Волга и Кама) русскаго царства. Обрисовался передъ нимъ небольшой красивый городокъ (Елабуга), стоящій на крутомъ берегу многоводной рѣки; пятиглавый соборъ съ голубымъ, усыпаннымъ золотыми звѣздами, куполомъ высится посреди площади; далѣе изъ-за густой зелени деревьевъ общественнаго сада виднѣются крыши городскихъ построекъ, между которыми самое видное мѣсто занимаетъ домъ купца Чухсыкова (Стахѣева-отца), перваго богача въ городѣ, мѣстнаго благодѣтеля, строителя храмовъ и общественныхъ зданій. Вотъ и знакомый гостиный дворъ, за пожертвованіе котораго онъ получилъ золотую медаль, и домъ съ золоченой вывѣской: «Городовой Магистратъ», тоже имъ пожертвованный; а тамъ далѣе, вглубь города пошли мосты, казармы, церкви, богадѣльни — все имъ же построенные. «Благодѣтель и первый гражданинъ по всей губерніи», раздается въ ушахъ Ивана Петровича рѣчь какого-то мѣстнаго оратора, которую онъ произносилъ на торжественномъ обѣдѣ, по случаю полученія отцомъ ордена.

«Примѣрный христіанинъ и вѣрный сынъ церкви», слышитъ онъ «слово» протоіерея въ храмѣ, обращенное непосредственно къ его отцу, по случаю сооруженія новаго иконостаса въ соборѣ. Такъ это все явственно представляется Ивану Петровичу, что онъ какъ будто снова переживаетъ это время и снова видитъ высокую, осанистую фигуру отца, стоящаго впереди всѣхъ въ церкви на особомъ, для него лишь, посланномъ коврѣ. И вдругъ, какъ прямое подтвержденіе этого торжества добродѣтели, вспомнилась Ивану Петровичу другая сцена.

Стоитъ у параднаго крыльца отцовскаго дома оборванный и тщедушный мужичонка и мнетъ въ рукахъ шапку, видимо, находясь въ тревожномъ ожиданіи рѣшенія своей участи; глаза его боязливо и въ то же время необыкновенно печально обращаются порою на верхнія ступени лѣстницы, откуда долженъ сойти «благодѣтель». Проходитъ такъ не мало времени; мужичонка все стоитъ, переступая съ ноги на ногу, и все мнетъ свою дырявую шапку. Ноги его обуты въ мочальные лапти, на плечахъ старенькій нагольный

полушубокъ, мѣстами прорванный, и на головѣ, въ растрепанныхъ клочьяхъ волосъ, видны слѣды соломы.

Наконецъ, по лѣстницѣ раздаются увѣсистые медленные шаги благодѣтеля: полный, высокаго роста мужчина, съ окладистой бородой и солиднымъ брюхомъ, одѣтый въ длиннополый черный сюртукъ и съ тростью въ рукѣ, показывается на площадкѣ подъѣзда. Мужичонка, завидя его, падаетъ въ ноги и начинаетъ вопить о помощи, рассказывая, какъ его единственную лошаденку перешибло крыломъ мельницы, принадлежащей этому благодѣтелю.

— Я не виноватъ, что лошадь твоя подвернулась подъ крыло моей мельницы, — коротко отвѣчаетъ благодѣтель и хочетъ сѣсть въ поданный экипажъ.

Мужичонка ползетъ за нимъ на колѣняхъ и плачетъ.

— Проси Христа ради, тогда дамъ, а такъ не дамъ...

— Батюшка, зачѣмъ же это?.. Помоги по бѣдности подняться... Вѣдь мнѣ не тово, чтобы милостыню. Это, чай, грѣхъ...

— Ну, грѣхъ, такъ убирайся. Я ради имени Христова дамъ, а такъ помогать не хочу... Лѣнтяи вы всѣ, свиньи...

— Ну, коли такъ, такъ дай уже ради Христа...

Благодѣтель торопливо вынимаетъ бумажникъ, сердито бросаетъ десять рублей и уѣзжаетъ.

Мужичонка еще долго стоитъ у крыльца, почесываясь и вздыхая.

«Какое ложное, безсердечное толкованіе Христова ученія любви къ ближнему, какоѳ наглое, постыдное искаженіе понятій», грустно подумалъ Иванъ Петровичъ, и въ его памяти съ необыкновенною ясностью, точно начертанныя на темной стѣнѣ огненными буквами, возстали слова евангельскія: нѣтъ больше той любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ.

«Да, тамъ нѣтъ никакой любви, есть только страхъ наказанія за грѣхи, есть эгоизмъ, величайшій и отталкивающій эгоизмъ».

Такъ думалъ Иванъ Петровичъ и за этими думами незамѣтно перенесся въ самый ранній періодъ своего дѣтства. Вспоминалось ему раннее утро: онъ представляетъ себя маленькимъ пухлымъ пузаномъ, лежащимъ въ постели, и слышится ему ласковый голосъ старухи-няни, раздающійся надъ самымъ его ухомъ: «Ваня, Ваня, вставай, опоздаешь въ школу; смотри, отецъ узнаетъ, будетъ тебѣ...» Слышитъ онъ этотъ голосъ и не можетъ понять, во снѣли это, или на яву, не имѣетъ силъ раскрыть глазъ: такъ крѣпко разоспался. Кажется, что это вовсе не голосъ няни, что это не она наклонилась надъ нимъ и прикасается къ его плечу, а отецъ тормошитъ его и ругаетъ за что-то: въ одной рукѣ у него конторскія книги, а въ другой счеты, голосъ его раздается все сильнѣе и сильнѣе, и уже висятъ въ воздухѣ счеты, готовые обрушиться на

Ваню за то, что онъ не просыпается. Въ этотъ моментъ вбѣгаетъ въ комнату мать, хватаетъ отца за руку и горько плачетъ, прося не бить сына. Конторскія книги въ гнѣвѣ брошены на полъ, сильно ударившись объ него своими толстыми корешками, вслѣдъ за ними летятъ счеты, круглыя ихъ косточки рассыпаются по полу, и гремитъ по всему дому сердитый отцовскій голосъ...

Тяжесть отцовскаго кулака Стахѣву приходилось испытывать на себѣ частенько, причемъ слезы матери, отчаянныя старушки-няни и причитанья бабушки, жившей въ семьѣ купца-милліонера, не всегда обладали силой и дѣйствиємъ громоотвода. Доставалось маленькому Митюхѣ (такъ домашніе звали будущаго писателя) не только за опаздываніе въ школу, т.е. къ приходу на домъ дьячка, обучавшаго его грамотѣ, такъ какъ онъ не былъ отданъ въ школу, гдѣ, по убѣжденію Стахѣева-отца, проходили такія науки, которыя «христіанскую душу только мутить способны и для человѣка торговаго не нужны вовсе». Колотили его чаще всего послѣ посѣщеній церкви, куда его неизмѣнно брали и гдѣ заставляли простаивать продолжительнѣйшія службы, что, понятно, сопровождалось со стороны ребенка-богомольца выходками, не вполне соответствующими мѣсту.

Дьячокъ, получавшій за обученіе Стахѣева рубль съ полтиною, а затѣмъ и два цѣлковыхъ въ мѣсяць — довольно солидное въ Елабугѣ того времени вознагражденіе, старался во всю, такъ какъ за особые успѣхи ученика ему, по обѣщанію, давались періодически подарки въ видѣ мизерныхъ пачекъ китайскаго чаю и разныхъ крѣпкихъ напитковъ, до которыхъ онъ былъ большой охотникъ. Преподавательское усердіе дьячка, однако, было совершенно излишне, такъ какъ ученикъ, благодаря своимъ способностямъ и любознательности, усваивалъ легко и быстро все то, что ему показывали и объясняли. За годъ съ небольшимъ Стахѣевъ научился бѣгло читать и писать, а къ десяти годамъ зналъ наизусть многія мѣста изъ псалтыря, который былъ его первымъ чтеніемъ.

— Обученъ парень изрядно! — рѣшилъ Стахѣевъ-отецъ, проэкзаменовавъ своего сына въ присутствіи всѣхъ домашнихъ и гостей, спеціально приглашенныхъ на торжество завершенія мальчикомъ образованія. — Теперь ему пора и за дѣло взяться!

Давалась десятилѣтнему Стахѣву и коммерческая наука, заключающаяся въ присутствованіи при поступленіи на складъ и отпускѣ покупателямъ товара, въ записываніи въ книги примитивныхъ счетовъ, наблюденіи за приказчиками и рабочими и т.д. Сначала эти занятія увлекали юнаго «купца», какъ не безъ ироніи называли Стахѣева тѣ, съ которыми ему приходилось сталкиваться. Порученія исполнялъ онъ толково, не спѣша и не поддаваясь вліянію окружающихъ. Но частыя отлучки отца развязали руки мальчику, начинавшему все внимательнѣе прислушиваться къ своимъ желаніямъ. Чтеніе,

которому Стахѣевъ посвящалъ съ тѣхъ поръ все свое свободное и удобное для столь нелегальнаго увлеченія время, всецѣло завладѣло душой и мыслями малолѣтняго «купца», проглатывавшаго одну книжку за другой. Программы или системы при этомъ, разумѣется, не могло быть никакой; читалось все, что ни попадалось подъ руку, съ одинаковымъ при томъ интересомъ. Отъ старинной грамматики. Стахѣевъ переходилъ къ Гоголю, отъ лубочнаго романа — къ Фонвизину, Пушкину, Жуковскому. Преодолѣвать же все и понять помогали его врожденные способности.

Влиское знакомство съ сочиненіями всѣхъ лучшихъ авторовъ повлекло за собой обычное у многихъ даровитыхъ дѣтей желаніе «самому сочинять», за что Стахѣевъ принялся со свойственной ему страстностью. Эти упражненія, понятно, долго не могли оставаться незамѣтными для домашнихъ, въ томъ числѣ и отца, который, полагая, очевидно, что захолустная, безжизненная Елабуга слишкомъ большой умственный центръ, вредно отражающійся на молодыхъ душахъ, рѣшилъ отправить своего сына въ Кяхту, гдѣ у него была обширная торговля всевозможными товарами, главнымъ образомъ чаемъ.

— Тамъ такими глупостями не занимаются, проклятущихъ этихъ самыхъ книжонокъ и въ глаза не видать, — объяснялъ Стахѣевъ-отецъ свое рѣшеніе, возлагая большія надежды на эту ссылку, которая-де должна вернуть сына на путь истины.

И вотъ зимою 1854 будущій писатель, которому шелъ всего лишь четырнадцатый годъ, былъ отправленъ сначала въ Томскъ, а затѣмъ въ Кяхту, гдѣ ревностно принялся за отцовскія дѣла. Велъ онъ ихъ, какъ опытный дѣлецъ, поражая другихъ кяхтинскихъ купцовъ толковостью и искренностью своихъ пріемовъ и дѣйствій.

Но въ одномъ ошибся Стахѣевъ-отецъ: книжки оказались въ распоряженіи сына и въ Кяхтѣ, и тамъ Дмитрій Ивановичъ находилъ достаточно свободнаго времени, даже въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ дома, чтобы пополнять постепенно свое до жалости скудное домашнее образованіе. Не оставилъ онъ въ Кяхтѣ и страсти къ сочинительству, объектомъ котораго оказались жизнь и нравы далекой окраины, и даже ея промышленность. Въ 1857 году онъ послѣ долгихъ раздумій и колебаній отправилъ одно изъ своихъ сочиненій — пространную статью о кяхтинской чайной торговлѣ — въ столицу, въ редакцію «Петербургскихъ Вѣдомостей», гдѣ она вскорѣ была напечатана, обративъ на себя вниманіе промышленныхъ круговъ. Этотъ первый успѣхъ укрѣпилъ въ юношѣ тѣ стремленія, которыя давно уже волновали его умъ и душу. Между тѣмъ «несчастный» родитель, узнававшій о каждомъ шагѣ вольнодумца, придумалъ еще одну мѣру воздѣйствія, на его взглядъ, безусловно вѣрную: женить сына. Была выбрана одна изъ наиболѣе достойныхъ елабужскихъ невѣстъ, о чемъ и сообщили Дмитрію Ивановичу. Но тутъ случилось нѣчто

такое, чего старикъ Стахѣевъ не ожидалъ и отъ «вольнодумца»: оказалось, что послѣдній успѣлъ влюбиться въ дочь кяхтинскаго купца Трапезникова и уже считался ея женихомъ. Послѣ долгой переписки, въ которой вмѣсто словъ были громы и молніи, а затѣмъ и личныхъ бурныхъ переговоровъ, Стахѣевъ отрекся отъ сына и выгналъ его прямо на улицу, не воздавъ даже должной дани честности Дмитрія Ивановича, который, распоряжаясь безконтрольно огромными отцовскимк суммами, не впадалъ въ соблазнъ воспользоваться хоть чѣмъ-нибудь на всякій случай, хотя работа всей душой и тѣломъ на пользу дѣла давала ему нравственное право на то.

— Безтолковый онъ, безтолковый! — кричалъ старикъ на всѣхъ перекресткахъ. — На какую дорогу сунулся, пропадетъ понапрасну, будетъ собакамъ хвосты рубить. Помогать я ему не буду, да и вамъ всѣмъ и другимъ прочимъ, съ кѣмъ только я имѣю дѣло, строго-настрого запрещаю помогать Дмитрію. Кто ему станетъ помогать совѣтомъ или деньгами, тотъ — врагъ мой.

Никто, конечно, не подумалъ навлечь на себя немилость вліятельнаго купца-милліонера, ставъ на сторону опальнаго сына. Да и самъ Дмитрій Ивановичъ ни разу ни къ кому не обратился за помощью, которая ему была теперь такъ необходима.

III

Очувившись такимъ образомъ безъ опредѣленныхъ занятій, безъ всякихъ средствъ къ существованію и безъ знакомствъ, которыя всѣ какъ-то сразу испарились, Дмитрій Ивановичъ былъ близокъ къ отчаянію. Вспоминая про эти черные дни, онъ сравнительно не такъ давно въ разговорѣ съ сотрудникомъ какой-то газеты замѣтилъ:

— Хорошо, что тогда самоубійство еще не было въ модѣ, а то, несомнѣнно, покончилъ бы съ собою.

Но если Стахѣевъ и отчаивался въ своемъ положеніи, то, во всякомъ случаѣ, не долго, такъ какъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ уже беретъ у тестя нѣсколько десятковъ рублей и отправляется съ женой на Амуръ, незадолго до того присоединенный къ русскимъ владѣніямъ. Тамъ въ то время раздавали русскимъ переселенцамъ землю, небольшой кусокъ которой получилъ и молодой Стахѣевъ. И сынъ милліонера, дѣлецъ, мечтатель, стремящійся къ свѣту, знанію и творческой дѣятельности, превратился въ простого землепашца, воздѣльвателя полудикой, незнакомой ни съ плугомъ ни съ серпомъ почвы.

Терпѣніе, выносливость, добросовѣстность и энергія не измѣнили Дмитрію Ивановичу и тутъ, и обезпеченное, хотя и полное всевозможныхъ тревогъ и труда, существованіе казалось уже близкимъ и возможнымъ. Но неожиданное

стихийное бѣдствіе въ одно далеко не прекрасное утро разрушило все настоящее и ближайшее будущее молодого земледѣльца: выступившая изъ береговъ рѣка затопила и занесла иломъ воздѣланную съ неимовѣрнымъ трудомъ пашню. Къ тому же оказалось, что бѣдствіе это не случайное, а повторяющееся въ томъ мѣстѣ нерѣдко при сильномъ вѣтрѣ и дождѣ.

Получить другой участокъ земли уже представлялось невозможнымъ, оставаться на прежнемъ — было невысказано, и опять наступила отчаянная нужда, не сломившая, однако, Стахѣева и на сей разъ. Онъ придумалъ себѣ новый заработокъ: началъ лить изъ сала и воска свѣчи и сбывать ихъ въ Благовѣщенскѣ, гдѣ онѣ являлись довольно ходкимъ товаромъ. Заработокъ, конечно, былъ грошовый и едва-едва избавлялъ молодую чету отъ голода.

Но, обрабатывая свой предательскій участокъ земли и изговоря затѣмъ восковыя и сальныя свѣчи, Стахѣевъ не бросалъ и своихъ литературныхъ занятій, которымъ посвящалъ каждый часъ свободнаго отъ физическаго труда времени. Одинъ за другимъ писалъ онъ свои очерки: Кяхты, Забайкалья и Амура, переходя постепенно отъ публицистики, характеръ которой носила его первая статья, напечатанная въ 1857 году въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», къ беллетристикѣ. Все, что выходило у него изъ-подъ пера, онъ немедленно отсылалъ въ Петербургъ и въ Москву, въ тотъ или другой журналъ, ждалъ съ замираніемъ сердца отвѣта изъ редакціи, волновался и ходилъ, какъ больной, когда посланное возвращалось обратно съ редакторской помѣткой объ отказѣ. Зато велика была радость молодого труженика, когда одинъ изъ его беллетристическихъ очерковъ подъ заглавіемъ «Кяхта», наконецъ, появился въ популярномъ въ то время толстомъ журналѣ «Русское Слово».

Это было въ 1865 году. Стахѣевъ сразу воспрянулъ духомъ, снова вернулся къ своимъ старымъ мечтамъ о писательствѣ, хотя, разумѣется, продолжалъ лить свѣчи, что давало средства къ существованію.

Появившійся въ «Русскомъ Словѣ» очеркъ, собственно, не содержалъ ничего беллетристическаго, и Стахѣевъ это сознавалъ.

— Мнѣ въ то время — рассказывалъ онъ впоследствии — уже хотѣлось заняться «настоящей» литературой: беллетристикой, но, прекрасно понимая, что я весьма мало знаю жизнь и людей, не дерзалъ приняться за повѣсть, къ которой меня такъ тянуло.

Вслѣдъ за «Кяхтой» въ столичной печати появились и другія полупублицистическія, полуэтнографическія статьи, и Стахѣевъ началъ думать о переѣздѣ въ Петербургъ, чтобы всецѣло тамъ отдаться писательской дѣятельности, еще мало обѣщавшей ему, но все же внушавшей нѣкоторую надежду на успѣхъ.

Въ своей автобіографіи Стахѣевъ какъ бы старается оправдать это на первый взглядъ смѣлое рѣшеніе переѣхать въ столицу и сдѣлаться профессиональнымъ литераторомъ и пишетъ слѣдующее:

«Рѣшился я оставить непривѣтливое, но, по крайней мѣрѣ, насиженное и знакомое мѣсто не потому, чтобы питалъ большія надежды на будущее, и не потому, чтобы вѣрилъ въ свои силы, т.е. въ свой писательскій талантъ. Нѣтъ, здравый разумъ мнѣ просто подсказывалъ: «если тебѣ суждено страдать и мытарствоваться, то ужъ, пожалуй, лучше страдать и мытарствоваться въ Петербургѣ; тамъ, какъ никакъ, вдругъ да и оправдаетъ себя великое русское «авось». Я и послушался голоса разума, замечталъ о столицѣ и направилъ свои стопы туда...»

Не сразу, однако, Стахѣеву удалось привести свое рѣшеніе въ исполненіе. Прежде всего надо было добыть средства на дорогу. Добыты они могли быть только путемъ продажи земельного участка, домика, выстроеннаго почти собственноручно, и кой-какого инвентаря, а покупателей не находилось, ибо всѣмъ окрестнымъ жителямъ были извѣстны печальныя свойства стахѣевской недвижимости, слишкомъ подверженной капризамъ сосѣдняго Амура. Лишь послѣ долгихъ стараній и хлопотъ Стахѣеву посчастливилось продать свое имущество, но выручилъ онъ, конечно, сущіе пустяки.

— Сколько заплатили мнѣ за землю, домъ и хозяйство, въ томъ числѣ и довольно недурную лошадку, въ точности уже теперь не помню, — говорилъ онъ впоследствии, будучи уже популярнымъ писателемъ, — во всякомъ случаѣ больше трехсотъ рублей не получилъ. Да и этому тогда былъ радъ, иначе продолжалъ бы сидѣть у Амура и ждать погоды.

Вырученная сумма, вѣроятно, показалась Стахѣеву весьма солидной, ибо, покидая Амуръ, онъ рѣшилъ завернуть для поправленія своего сильно расшатаннаго здоровья на Кавказъ, гдѣ и провелъ около шести недѣль. Послѣ этого только онъ очутился въ Петербургѣ.

Въ Петербургѣ его прежде всего ожидала нужда: отъ трехсотъ рублей, вывезенныхъ съ Амура, осталось ко дню пріѣзда въ столицу всего нѣсколько десятковъ. Пришлось сразу приняться за литературную работу, на которую и была вся надежда. Сначала эта работа сводилась къ отдѣлкѣ уже ранѣ написанныхъ очерковъ. Ихъ Стахѣевъ носилъ въ «Русское Слово», напечатавшее его первое произведеніе «Кяхта», и здѣсь они охотно помѣщались. Очерки эти, въ особенности «Очерки бурятской жизни», начали обращать на себя вниманіе, и авторъ ихъ получилъ предложенія и отъ другихъ журналовъ: «Искры», «Литературной Библіотеки» и даже «Вѣстника Европы» и «Отечественныхъ Записокъ».

Разумѣется, Стахѣевъ былъ въ восторгѣ отъ подобныхъ успѣховъ, превзошедшихъ всѣ его ожиданія, точнѣе, мечтанія, въ которыя онъ самъ

серьезно не вѣрилъ. Но удовлетвореніе было чисто нравственнаго свойства, въ матеріальномъ же отношеніи литературныя удачи ничего существеннаго не принесли; Стахѣевъ, у котораго къ тому же увеличилась семья, продолжалъ терпѣть сильную нужду, временами доходившую до крайнихъ предѣловъ.

Трудно себѣ представить, чтобы при такой обстановкѣ человѣкъ рѣшился засѣсть за учебники, чтобы самоучкой пройти весь гимназическій курсъ и подготовиться къ сдачѣ экзаменовъ на аттестатъ зрѣлости. Стахѣевъ на это рѣшился и добился своего: блестяще выдержалъ экзаменъ при гимназіи, а вслѣдъ затѣмъ и при университетѣ на званіе учителя. Въ то время существовали при университетѣ подобные экзамены.

Званіе учителя Стахѣевъ получилъ въ 1868 году, и съ этихъ поръ его обстоятельства мѣняются довольно круто. Онъ получаетъ очень выгодный урокъ у одного вліятельнаго сановника и вмѣстѣ съ тѣмъ занимаетъ мѣсто преподавателя русской словесности въ одной изъ столичныхъ женскихъ гимназій, что сразу даетъ ему возможность зажить вполне безбѣдно. Теперь онъ уже не спѣшитъ въ своихъ литературныхъ занятіяхъ, не стряпаетъ своихъ легко находящихъ себѣ мѣсто въ печати, но все же далекихъ отъ «настоящей литературы» очерковъ. Теперь онъ все свободное отъ педагогической дѣятельности время сидитъ надъ рассказами, повѣстями и даже романомъ.

«Не было гроша, и вдругъ алтынъ» — вспоминаетъ Стахѣевъ въ своей автобіографіи про то, какъ къ нему явился какой-то издатель и предложилъ издать отдѣльной книжкой все, что было имъ напечатано въ «Русскомъ Словѣ». Условія казались молодому писателю очень выгодными, и онъ не замедлилъ согласиться. Къ матеріалу, уже бывшему въ печати, Стахѣевъ присоединилъ неиспользованныя еще работы, и въ результатѣ появился не одинъ сборникъ, и цѣлыхъ два. Первый, подъ длиннымъ названіемъ: «На память многимъ. Рассказы изъ жизни въ Россіи, Сибири и на Амурѣ» — содержалъ, главнымъ образомъ, тѣ очерки, которыми Стахѣевъ вступилъ на литературное поприще. Второй, озаглавленный болѣе удачно: «Глухія мѣста» — заключалъ въ себѣ уже рассказы, написанные въ Петербургѣ. Обѣ книжки обратили на себя вниманіе публики, быстро разошлись и принесли автору нѣсколько сотъ рублей, чему онъ былъ, разумѣется, несказанно радъ.

Занятіе литературой довольно прочно налаживалось у Стахѣева, освободившагося отъ заботъ о завтрашнемъ днѣ, благодаря урокамъ и преподаванію въ гимназіи. Но въ концѣ 1869 года ему было предложено поступить на службу въ государственный контроль на очень приличное жалованье. Стахѣевъ соблазнился и принялъ предложеніе.

«Самъ государственный контролеръ, — писалъ спустя много лѣтъ Стахѣевъ, — интересовался моей работой и весьма одобрительно отзывался о ней. Мнѣ предстояла блестящая служебная карьера. Если бы я не былъ въ настоящее

время государственнымъ контролеромъ, то, во всякомъ случаѣ, значился бы въ числѣ дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ. Словомъ, могъ бы я быть особой немаловажной».

Но служба все больше и больше засасывала въ свои тенета добросовѣстнаго, рачительнаго Дмитрія Ивановича. Онъ это сознавалъ и, сознавая, сокрушался. Разрывъ съ отцомъ, цѣлый рядъ лѣтъ безпросвѣтной нужды и мытарствъ, разлука съ родными, голодъ, холодъ, адскій трудъ и разстройство здоровья — на все это онъ смѣло пошелъ ради литературы, ради возможности служить ей по мѣрѣ силъ своихъ, и вдругъ онъ измѣняетъ ей ради виць-мундира. Эта мысль постоянно преслѣдовала Стахѣева, и вотъ въ 1872 году, послѣ почти трехлѣтняго пребыванія въ государственномъ контролѣ, онъ, къ удивленію своихъ сослуживцевъ и немалому огорченію покровительствовавшего ему высшаго начальства, снялъ съ себя виць-мундиръ и всецѣло предался литературной дѣятельности.

Еще раньше Стахѣевъ, судя по его собственнымъ словамъ, чуть было не забросилъ чиновничьей карьеры, намѣреваясь промѣнять ее на артистическую. Его феноменальный басъ обратилъ на себя вниманіе уже въ Кяхтѣ, гдѣ пріѣзжіе москвичи, понимавшіе толкъ въ пѣніи, совѣтовали ему поступить въ консерваторію и использовать выдающіяся вокальныя способности. Въ Петербургѣ друзья Стахѣева прямо настаивали, чтобы онъ сдѣлался пѣвцомъ, но онъ оставался вѣренъ своему влеченію къ литературѣ, служеніе которой ставилъ выше всего.

IV

Выходъ въ отставку встрѣтилъ живое одобреніе въ литературныхъ кругахъ, гдѣ Стахѣевъ ужъ былъ извѣстенъ какъ авторъ нѣсколькихъ романовъ и цѣлаго ряда повѣстей и рассказовъ, напечатанныхъ и печатавшихся въ лучшихъ толстыхъ журналахъ того времени. Въ томъ же году онъ близко сошелся съ извѣстнымъ критикомъ-философомъ Н.Н. Страховымъ, который вскорѣ поселился у него въ квартирѣ и прожилъ вмѣстѣ ровно 18 лѣтъ.

Несмотря на огромную пропасть, отдѣлявшую міросозерцаніе критика отъ душевнаго склада писателя, Страховъ страшно любилъ Стахѣева и любилъ лишь за то, что видѣлъ въ немъ огромный литературный талантъ.

Онъ не только самъ интересовался своимъ другомъ, какъ писателемъ, но старался обратить на него вниманіе Льва Толстого, которому писалъ и о новыхъ произведеніяхъ Стахѣева и о его житейскихъ радостяхъ и горестяхъ, о чемъ свидѣлствуютъ многія мѣста въ «Перепискѣ Л.Н. Толстого и Н.Н. Страхова».

Постепенно устанавливалась прочная популярность въ читательскихъ и редакціонныхъ кругахъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, зародилось и то трагическое въ

его судьбѣ, которое вскорѣ, развившись, начало отравлять его лучшія силы и самую жизнь.

Пока Стахѣевъ былъ случайнымъ гостемъ на литературной аренѣ, къ нему особыхъ требованій никѣмъ не предъявлялось, но какъ только онъ сдѣлался профессиональнымъ писателемъ и приобрѣлъ постепенно популярность, отъ него начали ожидать поднятія того или иного флага. А такъ какъ этого не послѣдовало, то Стахѣева молчаливо присудили къ самому тяжелому для писателя наказанію — замалчиванію. Выходившія отдѣльными книгами его произведенія отмѣчались лишь незначительными рецензіями, въ которыхъ больше указывалось на неопредѣленность общественно-политической окраски автора, чѣмъ на внутреннія и внѣшнія качества его творчества.

Въ концѣ 1874 года А.Ф. Марксъ, издатель молодой еще, но уже нашедшей своего читателя «Нивы», пригласилъ Стахѣева редактировать свой журналъ.

— Съ великимъ удовольствіемъ принялъ я это предложеніе, — говорилъ впослѣдствіи Стахѣевъ своимъ друзьямъ, — Во-первыхъ, кой-какой вѣрный заработокъ, а, во-вторыхъ, возможность превратить полунѣмецкую «Ниву» въ настоящій русскій журналъ. Я живо принялся за дѣло, и результатъ получился такой: въ два года число подписчиковъ увеличилось почти втрое: было ихъ 14 тысячъ, а стало — 47.

Но прямота характера повредила Стахѣеву и тутъ. Издатель, въ то время еще мало знакомый съ русскимъ языкомъ и русской жизнью, былъ, однако, увѣренъ, что знаетъ и то и другое, а потому считалъ нужнымъ вмѣшиваться въ дѣло редактированія журнала. На этой почвѣ происходила между Марксомъ и Стахѣевымъ масса недоразумѣній, иногда серьезныхъ, иногда курьезныхъ. Образчикомъ послѣднихъ могутъ служить слѣдующіе факты. Подъ однимъ изъ рисунковъ, предназначенныхъ для очередного номера «Нивы», Стахѣевъ сдѣлалъ соответствующую подпись: «Опочивальня царя Михаила Ѳеодоровича». Марксъ, прочтя въ корректурѣ эту подпись, сильно усомнился въ существованіи въ русскомъ языкѣ слова опочивальня, столь страннаго для его уха, и, не долго думая, замѣнилъ опочивальню спальней. И Стахѣеву не безъ труда удалось возстановить подпись въ первоначальномъ ея видѣ.

Вслѣдъ за этимъ инцидентомъ Марксъ досталъ для помѣщенія въ журналъ портретъ Бисмарка, къ которой самъ сочинилъ надпись: «Самій лучшій другъ Россіи». Какъ ни старался редакторъ доказать всю неумѣстность и безграмотность надписи, издатель настаивалъ на своемъ. Единственное, чего Стахѣевъ удалось при этомъ добиться, такъ исправленія слова самій.

Недоразумѣнія происходили также часто изъ-за самыхъ рисунковъ, клише которыхъ во множествѣ получались Марксомъ изъ-за границы. Многіе изъ нихъ совершенно не подходили для русскаго журнала, и Стахѣевъ, разумѣется,

противился ихъ помѣщенію, между тѣмъ, какъ издатель усиленно посылалъ клише въ типографію.

— Знаете что, — заявилъ однажды Стахѣеву Марксъ: — вы будете завѣдывать литературной частью, а я художественной. Тогда все будетъ ладно.

— Нѣтъ, ужъ вы лучше завѣдуйте гдѣ-нибудь «нѣмецкой частью», — отвѣтилъ выведенный изъ себя редакторъ.

Этотъ отвѣтъ показался Марксу крайне обиднымъ, и Стахѣевъ тутъ же получилъ отставку, которая такъ сильно повліяла на него, что онъ заболѣлъ и пролежалъ около двухъ недѣль въ постели.

Всего этого, можетъ быть, не случилось, если бы между Стахѣевымъ и Марксомъ не стало третье лицо, непосредственно заинтересованное въ обостреніи конфликта. Третьимъ лицомъ этимъ былъ покойный Ѳ. Бергъ. О неблаговидномъ поведеніи послѣдняго свидѣтельствуется Н. Страховъ.

«Мои сожители (Стахѣевы), — пишетъ Страховъ Толстому, — очень огорчены: Ѳ. Бергъ, потерявшій «Русскій Міръ», подкопался подъ Стахѣева, подбилъ издателя (Маркса) отказать ему отъ редакціи «Нивы» и самъ сталъ ея редакторомъ. Стахѣевъ остался безъ мѣста и безъ работы. Деньги у него есть, накопилъ тысячъ пять».

Я, разумѣется, не берусь судить, кто былъ главнымъ виновникомъ разрыва между издателемъ и редакторомъ, но долженъ замѣтить, что какъ-то, просматривая «Ниву» за одинъ изъ старыхъ годовъ, я наткнулся въ «почтовомъ ящикѣ» на отвѣтъ редакціи какому-то подписчику, обратившемуся, вѣроятно, съ запросомъ о судьбѣ Стахѣева, отвѣтъ, въ высшей степени обидный для Стахѣева, какъ писателя и бывшего редактора «Нивы». Между тѣмъ, самъ онъ весьма благожелательно относился къ измѣнившему ему журналу и рассказъ свой о фіаско въ «Нивѣ» неизмѣнно заканчивалъ съ радостью въ голосѣ слѣдующимъ утверженіемъ:

— Я, все-таки, свое дѣло сдѣлалъ: при мнѣ «Нива» стала вполнѣ русскимъ журналомъ и приобрѣла свыше 30-ти тысячъ новыхъ подписчиковъ и, вѣроятно, двое больше новыхъ читателей.

Въ томъ же 1877 году надъ Стахѣевымъ разразилась другое несчастье, несравненно крупнѣе и чувствительнѣе. Объ немъ узнаемъ изъ слѣдующаго письма сожителя Стахѣева Н.Н. Страхова Л.Н. Толстому:

«У насъ въ домѣ случилось большое горе, безцѣнный Левъ Николаевичъ. Старшій мальчикъ Стахѣевыхъ умеръ почти скоропостижно. Онъ слегъ въ день моихъ именинъ, а 9-го утромъ умеръ. По словамъ доктора, у него были вмѣстѣ скарлатина, тифъ и жаба. Отецъ и особенно мать поражены ужасно. Это была ихъ надежда, центръ всей семьи. А докторъ говоритъ, что мальчикъ былъ такъ худосоченъ, что всякая зараза должна была сложить его»¹...

¹ «Переписка Л.Н. Толстого съ Н.Н. Отраховымъ». «Современный Міръ», май 1913 г., стр. 135.

Письмо это помѣчено 12-мъ ноября 1877 г. и свидѣтельствуесть, между прочимъ, о томъ, что Толстой очень интересовался Стахѣевымъ, иначе зачѣмъ Страхову было такъ подробно описать смерть мальчика.

27-го декабря того же года Страховъ опять пишетъ Толстому о Стахѣевѣ:

«Вотъ начинаются несчастія. Я давно уже сообразилъ, что Стахѣевы люди больные, несчастные, для которыхъ нѣтъ впереди хорошаго будущаго, и я даже хотѣлъ эгоистически уйти отъ нихъ, чтобы не нести своей доли тяжести; но, видно, уже поздно — мнѣ ихъ ужасно жалко. Стахѣевъ говоритъ, что не можетъ молиться, что въ молитвѣ ему невольно видится безсмысленное дѣло»¹...

Отзывъ Страхова о его другѣ и сожителѣ, на первый взглядъ, довольно рѣзокъ и вообще страненъ. Но если принять во вниманіе все то, что достаточно надломленный уже мачехой-судьбой Стахѣевъ тогда переживалъ: невольный уходъ изъ «Нивы», необеспеченность, пренебрежительное отношеніе критики и, наконецъ, смерть любимаго сына, — то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что онъ могъ временами казаться больнымъ, несчастнымъ человѣкомъ, для котораго не существуетъ никакого будущаго и отъ котораго слѣдуетъ скорѣе уйти. Настроеніе Стахѣева въ ту пору дѣйствительно было ужасное. Оно очень мало измѣнилось къ лучшему и тогда, когда тоска по потерянному первенцу нѣсколько улеглась.

«Стахѣевъ — писатель большой, но безплодный». Такъ или приблизительно такъ говорили про него въ руководящихъ литературныхъ кругахъ, и эти выраженія доходили до Стахѣева, поражая его въ самую глубину сердца. Чтобы не остаться совершенно одинокимъ въ литературномъ мірѣ, онъ принужденъ былъ примкнуть къ кружку консервативныхъ писателей, группировавшихся вокругъ газеты «Русскій Міръ» и журнала «Русскій Вѣстникъ». У Стахѣева съ писателями-консерваторами было гораздо меньше общаго, чѣмъ съ тѣми, которые держали его на почтительномъ разстояніи отъ себя. Но въ то время, какъ послѣдніе хотѣли бы видѣть въ немъ не того, кѣмъ онъ былъ, первые отъ него никакихъ уступокъ не требовали и предоставляли его творчеству и его «я» полную свободу. Стахѣевъ и оставался среди нихъ, никогда, однако, съ ними не слившись — по той простой причинѣ, что былъ имъ совершенно чуждъ по духу и преслѣдовалъ совершенно иныя литературныя цѣли.

V

Въ концѣ 1885 года умеръ отецъ Стахѣева, и послѣдній сдѣлался обладателемъ крупнаго состоянія, обезпечивавшаго его навсегда. Наслѣдство явилось какъ нельзя болѣе кстати, такъ какъ матеріальное положеніе Стахѣева, несмотря на его плодовитость и спросъ, которымъ пользовались на

¹ Тамъ же.

книжномъ рынкѣ его произведенія, было въ то время крайне плачевно. Болѣя самъ и обремененный семьей, постоянно хворавшей, онъ весь свой литературный заработокъ тратилъ на врачей и лекарство.

«Не могу сказать, чтобы, сдѣлавшись матеріально независимымъ, богатымъ человѣкомъ, не чувствовалъ большой радости, — пишетъ Стахѣевъ въ своей автобіографіи: — но все же удовлетворенія не было для меня и не предвидѣлось въ жизни»

Его чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе угнетало литературное одиночество и мысль о томъ, что его сочиненія вслѣдствіе убійственного молчанія критики не проникнутъ никогда въ широкіе круги общества и понемного забудутся. При такихъ опасеніяхъ, начавшихъ оправдываться въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, когда русская публика, подавленная безвременьемъ, искала въ литературѣ не того, что есть, а то, что можетъ быть, — Стахѣевъ, разумѣется, не могъ чувствовать себя удовлетвореннымъ жизнью и своей дѣятельностью. Онъ все глубже и глубже уходилъ въ себя, все чаще и чаще задумывался надъ тщетой земной жизни, все убѣжденнѣе вѣровалъ въ существованіе иного бытія, о чемъ сталъ мечтать, какъ о лучшей долѣ. Эти мысли свои онъ изливалъ въ стихахъ, сочиненію которыхъ началъ посвящать много времени, т.е. весь свой досугъ. Но въ общемъ ни круто измѣнившееся матеріальное положеніе, ни переживанія моральнаго свойства не повліяли на его писательскую дѣятельность, которую онъ продолжалъ съ тѣмъ же рвеніемъ, съ тою же любовью и добросовѣстностью, какъ и раньше. Наоборотъ, онъ теперь еще усерднѣе и тщательнѣе обдумывалъ, обрабатывалъ и отдѣлывалъ каждую вещь, чѣмъ раньше, когда приходилось спѣшить закончить рукопись, чтобы получить за нее гонораръ. И по-прежнему въ «Словѣ», «Русскомъ Вѣстникѣ» и въ другихъ журналахъ, а затѣмъ и отдѣльными изданіями появлялись изъ года въ годъ его романы и повѣсти.

Въ 1891 году умерла супруга Стахѣева, прожившая съ нимъ 31 годъ и прошедшая почти всѣ этапы его жизни, начиная съ періода земледѣльческаго труда и кончая богатствомъ и популярностью. Смерть любимой и любящей жены-друга совершенно надломила силы Стахѣева. Близкія къ нему лица даже боялись за его разсудокъ. Только продолжительное путешествіе, которое его заставили предпринять, по Египту, Турціи, Греціи и т.д., возстановило нѣсколько его здоровье и относительный миръ души его. Во время этого путешествія онъ писалъ только очерки, стихи, которые печатались въ «Русскомъ Вѣстникѣ», «Сѣверѣ» и «Новомъ Мірѣ».

Вернувшись въ 1893 году обратно въ Петербургъ, Стахѣевъ снова принялся за работу. И въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ написалъ цѣлый рядъ крупныхъ произведеній, послѣднее и лучшее изъ которыхъ — романъ «Духа не угашайте» — явилось вмѣстѣ съ тѣмъ его лебединой пѣсней. Стахѣевъ

почувствовалъ себя усталымъ, довольно поработавшимъ на пользу родной литературы и подъ вліяніемъ жестокой къ нему критики сложилъ перо.

Приблизительно въ то же время съ нимъ произошелъ случай, давшій его старости совершенно иное направленіе.

Разсматривая огромный свѣжеотточенный кухонный ножъ, онъ нечаянно уронилъ его, и ножъ остриемъ своимъ угодилъ ему въ ногу, изранивъ ее самымъ жестокимъ образомъ. Обильная потеря крови и страшныя боли уложили Стахѣва въ постель и въ теченіе свыше четырехъ недѣль положеніе его было крайне серьезно, а моментами даже опасно, такъ какъ врачами допускалась возможность зараженія крови. Ухаживала за больнымъ его экономка, барышня лѣтъ тридцати, которая незадолго до того была ему рекомендована близко знакомой семьей. Эта добровольная сестра милосердія проявляла къ больному много доброты и нѣжности, и у Стахѣва въ силу старинной истины, что любви всѣ возрасты покорны, зародились весьма серьезныя чувства къ своей экономкѣ. Выздоровѣвъ, онъ сдѣлалъ ей предложеніе, которое та и приняла. Для Стахѣва, находившагося уже на исходѣ шестого десятка лѣтъ, началась новая семейная жизнь. Вторая супруга сумѣла окружить его такимъ уютомъ и такой заботливостью, что онъ всецѣло отдался новой обстановкѣ, найдя въ ней давно желанный покой отъ всего, что ему пришлось пережить на своемъ вѣку.

Тѣмъ не менѣе старость и усиливавшаяся все слабость давала себя чувствовать, чѣмъ далыпе, тѣмъ сильнѣй. Не чувствуя больше увѣренности въ томъ, что вмѣстѣ съ нимъ не ослабѣлъ и талантъ, Стахѣвъ совершенно бросилъ писать, хотя, по его собственному выраженію, у него еще было что сказать и что изобразить.

«И такъ меня достаточно травили, — писалъ онъ одному изъ своихъ друзей: — а теперь, если напишу вещь послабѣе прежнихъ, меня высмѣютъ окончательно. Я свое дѣло, кажется, сдѣлалъ, такъ что пора и честь знать».

Послѣдней радостью для Стахѣва, какъ писателя, явилось предложеніе товарищества М.О. Вольфъ издать полное собраніе его сочиненій. Стахѣвъ съ глубокой благодарностью принялъ это предложеніе и усердно принялся за подготовку къ печати своихъ сочиненій, которыя и вышли въ 1902 году въ двѣнадцати томахъ¹. Очень любопытно предисловіе, которое Стахѣвъ предпослалъ собранію своихъ произведеній. Привожу часть второй его половины.

«...Могутъ ли мои труды удовлетворить художественное чувство читателя и въ какой мѣрѣ, — объ этомъ, конечно, говорить неудобно, тѣмъ болѣе такому работнику, который всегда шелъ по своей дорогѣ одиноко, не принадлежалъ

¹ Д.И. Стахѣвъ. Собраніе сочиненій въ 12-ти томахъ. Съ біографіей М.Н. Никольскаго, критическимъ этюдомъ П. Быкова и портретомъ автора. Изд. т-ва М.О. Вольфъ. Ц. 9 руб.

ни къ какимъ литературнымъ партіямъ и, за малыми исключеніями, почти не слыхаль одобрительныхъ отзывовъ въ печати, да и не заботился о нихъ, всецѣло занятый лишь тѣмъ, чтобы служить своему призванію добросовѣстно.

«Конечно, въ отношеніи пристрастныхъ и намѣренно-лживыхъ отзывовъ критики — я не первый и не послѣдній.

«Позволю, однакоже, замѣтить, что долгій и тернистый путь писательской дѣятельности былъ избранъ мною не ради исканія славы, всегда суетной и преходящей, какъ все земное, но въ силу безкорыстнаго стремленія и неотразимой страсти именно къ этого рода дѣятельности, на служеніе которой, по волѣ Неисповѣдимаго Промысла, я былъ призванъ съ юныхъ лѣтъ».

Въ двѣнадцатитомномъ собраніи сочиненій Стахѣева заключается далеко не все, что было написано имъ. Сюда онъ не включилъ многочисленныхъ очерковъ Забайкалья и Пріамурья, которыми выступилъ на литературное поприще, театральныхъ пьесъ (были у него и пьесы; двѣ изъ нихъ въ свое время неоднократно шли на императорской сценѣ да и теперь еще кой-гдѣ ставятся въ провинціи), большого числа стихотвореній и поэмъ, статей по разнымъ отраслямъ искусства, очерковъ и воспоминаній, печатавшихся, между прочимъ, и въ «Историческомъ Вѣстникѣ».

Быть и нравы нашей средней интеллигенціи, чиновничества, купечества, духовенства, — вотъ та область, которой Стахѣевъ служилъ своимъ перомъ. Знатокъ этихъ общественныхъ слоевъ, ихъ внѣшняго строя и внутренняго содержанія или безсодержательности, онъ никогда не нуждался въ сыромъ матеріалѣ: таковой онъ находилъ вездѣ и всюду въ близкомъ ему мірѣ. Въ творческой обработкѣ Стахѣева этотъ сырой матеріалъ превращался въ дѣйствительную жизнь, на фонѣ которой появлялись живые люди, говорящіе и дѣйствующіе не только за себя, но и за десятки, сотни себѣ подобныхъ.

«Чѣмъ-то бодрящимъ вѣетъ отъ произведеній Стахѣева, — пишетъ одинъ безпристрастный къ нему критикъ: — даже тогда, когда ему приходилось изображать самую унылую прозу жизни, чью-нибудь скорбную долю, незадачу, горькую иронию судьбы. Онъ полонъ глубокой вѣры въ человека, въ Провидѣніе. Этимъ чувствомъ, нерѣдко глубокимъ и вполне искреннимъ, согрѣты многія изъ его лучшхъ произведеній, что придаетъ имъ какую-то поэтическую прелесть, духовную красоту, какъ бы ни были они реальны по содержанію.

«Все затронуто чуткимъ писателемъ, затронуто умѣло, съ тактомъ и въ высшей степени обдуманно. Спокойствіе, ровность романиста дѣйствуетъ на читателя благотворно, заставляетъ его глубоко вздуматься въ жизнь, въ окружающую дѣйствительность и прійти къ выводамъ, желательнымъ для автора. А между тѣмъ, авторъ ни этихъ, ни другихъ выводовъ, ни завѣтныхъ

идей своих не навязывает читателю, на котораго дѣйствуетъ иногда неотразимо необыкновенная искренность, глубокая вѣра автора».

Таковы въ общихъ чертахъ романы и повѣсти Стахѣева. Устарѣли ли теперь они? Еще до того, какъ я приступилъ къ работѣ надъ настоящимъ очеркомъ, я часто задавалъ себѣ вопросъ: могутъ ли они безъ напряженія читаться современнымъ читателемъ, въ силѣ ли они захватить его, вызвавъ къ себѣ его вниманіе и интересъ? Я лично ни минуты не сомнѣвался въ томъ, что на этотъ вопросъ нельзя не отвѣтить утвердительно, но рѣшилъ на себя не положиться и сдѣлать своего рода опытъ: взявъ два тома произведеній Стахѣева и снявъ съ нихъ предварительно обложку, а также удаливъ верхнія поля съ именемъ автора, я предложилъ ихъ нѣкоторымъ изъ своихъ друзей, людямъ молодымъ, въ высшей степени интеллигентнымъ, требовательнымъ и съ высоко развитымъ художественнымъ вкусомъ. Не упомянувъ имени автора, имъ совершенно неизвѣстнаго, я попросилъ ихъ прочесть и высказать свое мнѣніе, причемъ предупредилъ, что если чтеніе потребуетъ какого-либо усилія, то его можно прекратить. Результата я ждалъ съ нѣкоторой боязнью, — мало ли чего можно ожидать отъ современнаго читателя! — Но каково было мое удовлетвореніе, когда книжки мнѣ вернули съ благодарностью за «интересную, прекрасную и здоровую беллетристику».

VI

Стихи Стахѣева не блещутъ ни образами, ни римами, ни особой отдѣлкой. Но и они даровиты, содержательны и звучны, главнымъ образомъ, содержательны. Въ нихъ Стахѣевъ часто проявляетъ свой взглядъ на жизнь, на міръ, свою вѣру, свои убѣжденія. Нагляднымъ подтвержденіемъ сказанному могутъ служить хотя бы слѣдующія стихотворенія:

I.

Ночи тихое сіянье,
Звѣздъ небесныхъ трепетанье,
Въ морѣ яркій свѣтъ луны,
Тихій плескъ его волны
И безбрежный, безконечный,
Духъ манящій въ міръ предвѣчный
Темно-синій небосводъ,—
Все такъ чудно, все живетъ!
Но какой необычайной
Жизнь вся эта дышитъ тайной!
Безконечный сонмъ міровъ
Въ безконечности вѣковъ,

Въ высотахъ неисчислимыхъ,
Въ залахъ безднѣ необозримыхъ
Точный путь свершаетъ свой
Строго правильной чредой!
Но когда, какая сила
Въ эти дивныя свѣтила
Жизнь вдохнула и зажгла
Тайнымъ свѣтомъ ихъ тѣла?
Не постигнетъ умъ мятежный
Глубины небесъ безбрежной —
Гордой мудрости туда
Нѣтъ дороги никогда!
Лишь покорныхъ душъ смиренье
Ближе къ тайнамъ Провидѣнья,
И сердце простыхъ краса
Раскрываетъ небеса.

II.

Ничтожна жизнь безъ упованья,
Безъ вѣры въ смыслъ ея иной,
Смыслъ, освящающій страданья
И мрачный ужасъ гробовой.
Взгляни на Божіе творенье,
На сонмъ безчисленныхъ планетъ,
Ихъ безконечное движенье
И вечерѣющій ихъ свѣтъ.
Ихъ, въ безднѣ неба присносущихъ,
Необозримая семья,
Горящихъ въ пламени, плывущихъ
По океану бытія.
Они восторгъ и изумленье
Даютъ душѣ, когда она
Изъ міра скорби и томленья
Въ лазурь небесъ увлечена.
Ты говоришь, что мірозданье,
Что сонмъ безчисленныхъ міровъ —
Лишь только случая созданье,
Игра безумная вѣковъ;—
О, коль безъ смысла жизнь вселенной
И вѣчность духа — лишь мечта, —

То слѣпъ и глухъ твой разумъ тлѣнный
И мертвы хладныя уста!

Нерѣдко Стахѣевъ — просто лирикъ. Въ его лирикѣ не приходится искать оригинальности, свѣжести образовъ и игривости. Въ этомъ отношеніи его стихотворенія посредственны; зато отъ нихъ вѣетъ теплотой и искренностью, чего нѣтъ у многихъ профессиональныхъ поэтовъ, чеканящихъ форму своихъ строфъ и вѣчно занятыхъ погоней за новизной. Какъ образчики стахѣевской лирики приведу слѣдующія стихотворенія:

I.

Усталый день смежаетъ очи,
Погасъ зари послѣдній лучъ,
И опустились тѣни ночи
На воды моря съ грозныхъ тучъ.
Темнѣетъ даль, — и долъ и горы,
Недвижны травы и кусты,
Замолкли рѣзвыхъ птичекъ хоры,
Уснули нѣжные цвѣты.
Прибрежный лѣсъ въ дремотѣ сонной
Едва вѣтвями шелеститъ,
Лишь моря валъ неугомонный
О берегъ бьется и шумитъ.
И это сѣверное море,
Его темнѣющая даль
Опять вздымаетъ въ сердцѣ горе,
Тревожитъ старую печаль.
Мечты летятъ подъ небо юга,
Гдѣ море шепчетъ о быломъ,
Гдѣ, незабвенная подруга,
Почила ты послѣднимъ сномъ.
Гдѣ, шуму волнъ его внимая,
И кипарисъ и лавръ растутъ,
Гдѣ, прахъ твой милый охраняя;
Благоуханье розы льютъ.

II.

Когда, усталый и угрюмый,
Измучась жизни пустотой
Брожу одинъ съ тяжелой думой

И удручающей мечтой,—
Мнѣ мнится — мыслию высокой
Мой духъ уже не воспаритъ
И въ край надзвѣздный, край высокій
Моихъ мечтаній не умчитъ
Но — мигъ! Вершитель чудной воли
Уже смахнулъ крыломъ своимъ
Съ моей души земныя боли,
И ожилъ я, хранимый имъ.
Въ слезахъ на небо голубое
Смотрю: воспрянула мечта,
И прочь отходить все земное,
Всей нашей жизни суета.

Возвращаюсь, однако, къ жизни Стахѣева.

Во время русско-японской войны Стахѣевъ глубоко страдалъ за опозоренную Россію и выливалъ свои чувства въ стихахъ, которыхъ, однако, никому не читалъ, потому что они, по его словамъ, были слишкомъ слабы для того, чтобы выражать обуревавшія его волненія.

Когда вспыхнула революція, онъ съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ за ея развитіемъ и эксцессами и осудилъ ее.

— Не этого я ожидалъ и желалъ для Россіи, — говорилъ онъ своимъ близкимъ, когда рѣчь заходила о злобахъ дня.

Въ 1905 году болѣзнь жены заставила Стахѣева переселиться на югъ, въ Ялту, гдѣ онъ безвыѣздно живетъ до сихъ поръ, забытый всѣми. Въ 1907 году исполнилось пятидесятилѣтіе его литературной дѣятельности, но никто объ этомъ не вспомнилъ и въ печати нигдѣ этому не было посвящено ни строчки. Одинъ только «Вѣстникъ Литературы» отмѣтилъ юбилей стараго писателя небольшою статейкой.

«Несмотря на отчужденность отъ жизни и литературы, Стахѣеву было очень тяжело сознавать, что и въ день пятидесятилѣтія его писательской дѣятельности никто въ печати не произнесъ его имени и не посвятилъ ему ни строчки, между тѣмъ, какъ въ то время усердно отмѣчалось въ газетахъ, что такой-то поэтъ или писатель сбрилъ себѣ усы или задумалъ написать то-то. Моментами болѣла душа у Стахѣева и оттого, что никто изъ пріѣзжавшихъ въ Ялту литераторовъ не думалъ его посѣтить.

«Тутъ посѣщаютъ, — писалъ Стахѣевъ одному изъ своихъ немногихъ поклонниковъ года четыре тому назадъ, — каждую гору, каждый холмикъ, каждый камень, а мимо меня, стараго писателя, автора многихъ, многихъ

произведений, проходятъ братья-литераторы и не подозрѣвая, кто я — отставной ли губернской секретарь, или романистъ-повѣствователь-поэтъ».

Я, пишущій эти строки, хорошо помню, какъ я былъ удивленъ, когда, обратившись въ началѣ 1912 года къ Стахѣеву съ письмомъ, въ которомъ сообщалъ, что думаю написать о немъ статью и что нынѣ уже покойный С.Н. Шубинскій заранѣе согласился помѣстить эту статью въ «Историческомъ Вѣстникѣ», и въ которомъ просилъ Стахѣева дать кой-какія свѣдѣнія о себѣ, помимо имѣющихся у меня его автобіографіи, писемъ и другихъ матеріаловъ, — черезъ нѣсколько дней уже получилъ отвѣтъ изъ Ялты. Вѣроятно, забытый Стахѣевъ сочувственно отнесся къ моему рѣшенію напомнить о немъ русской публикѣ. Отвѣтъ этотъ привожу почти цѣликомъ:

«Что я могу вамъ сообщить, многоуважаемый по перу, г. . . ? Все, что было когда-то напечатано о моихъ литературныхъ трудахъ, — передъ вами. Дополнить можно и много, но говорить о себѣ самому автору — неудобно, другіе же молчатъ и молчали не много, не мало — сорокъ лѣтъ. Когда-нибудь впослѣдствіи смягчится и неприязнь, которой я — едва ли заслуженно — всю жизнь подвергался. Теперь, вступивъ уже въ восьмое десятилѣтіе моей земной жизни, пожалуй, уже поздно рассказывать о прошломъ, да и рассказывать, пожалуй, на самомъ закатѣ, по-моему, не слѣдуетъ. Мнѣ уже семьдесятъ три года и, — пора собираться въ дальнюю дорогу. Могу помянуть недобрымъ словомъ моихъ собратьевъ, уже окончившихъ свой земной путь, — Богъ имъ судья. О современныхъ же писателяхъ сказать мнѣ нечего. Это, въ огромномъ большинствѣ, не писатели, а писаря, занимающіеся писательскимъ дѣломъ изъ-за куска хлѣба. Судить ихъ не хочу. Самъ я изъ-за этого куска всю жизнь работалъ, но моимъ трудомъ руководила, главнымъ образомъ, любовь къ писательству, любовь страстная и неотразимая. Эта любовь отбила меня отъ родительскаго крова, отъ десятковъ милліоновъ отцовскаго капитала; эта же любовь отвлекла меня въ сторону отъ служебной карьеры, обѣщавшей мнѣ широкую дорогу, большія связи, чины и ордена. Все это меня не привлекало. Я избралъ, — сознательно или инстинктивно, не могу рѣшить, — трудовую литературную дорогу. Теперь, оглядываясь назадъ и мысленно обозрѣвая всѣ тѣ рвы и крутизны и обвалы, которыхъ было на моемъ пути много, много, — я не ропщу на судьбу, напротивъ, — благодарю Бога за все пережитое и пережитое. Слава Богу за все, — повторяю я слова святителя Василія Великаго, окончившаго свою скорбную жизнь въ изгнаніи и съ этими словами перешедшаго въ другой міръ.

«Я переселился на югъ по болѣзни моей второй жены и живу въ Ялтѣ, живу безбѣдно, не пишу больше ничего, читаю тоже мало, ибо испытываю головокруженіе отъ умственныхъ занятій.

«Часто ропщу и жалуясь на товарищество М.О. Вольфъ, не предпринимающее изданія моихъ статей, не вошедшихъ въ первое изданіе, но это уже частности: найдетъ выгоднымъ, — издастъ, не находитъ, — его дѣло. Но я все-таки надѣюсь, что когда-нибудь «полное» собраніе моихъ трудовъ будетъ издано. Я бы могъ и самъ его издать, — кто мнѣ запретитъ? Но я уже чувствую, что очень старъ, и пропадаетъ охота къ этому дѣлу. Здоровье мое сильно пошатнулось за послѣднія пять-шесть лѣтъ и думаю, что мой земной путь уже оканчивается.

«Передайте, дорогой мой, Сергѣю Николаевичу Шубинскому привѣтъ и добрыя благопожеланія. Не могу ему писать, ибо боюсь его тревожить...

«Простите, пишу неразборчиво, но тяжело мнѣ достается отъ этого писанія. Слуга вашъ Д. Стахѣевъ.

«27 февр. 1912 г. Ялта».

Текущія работы, однако, помѣшали мнѣ заняться статьей. Стахѣевъ въ январѣ минувшаго года мнѣ, между прочимъ, написалъ:

«Слѣжу за «Историческимъ Вѣстникомъ», вѣрнѣе, другіе за меня слѣдятъ, но статьи, которую вы собирались написать для этого журнала, все нѣтъ, да нѣтъ. Любопытно знать, кто раздумалъ, — вы или Шубинскій?»

Я, конечно, поспѣшилъ снять вину съ Шубинскаго въ письмѣ къ Стахѣеву и черезъ нѣкоторое время принялся за работу, не идущую, какъ видно, въ разрѣзъ съ желаніемъ маститаго писателя.

Лѣтомъ минувшаго года издатель сочиненій Стахѣева получилъ слѣдующее интересное письмо, которое привожу тутъ съ согласія адресата:

«Наконецъ-то исполняю ваше желаніе, — пишетъ Стахѣевъ издателю:— посылаю мое послѣднее изображеніе, вѣроятно, послѣднее, ибо старъ я очень и слабъ очень.

«Къ біографіи моей могу прибавить, что живу въ Ялтѣ безвыѣздно уже восьмой годъ и, по правдѣ сказать, не живу, а доживаю послѣдніе дни. Всѣ мои современники и друзья уже дома» — и писатели, и художники, и пѣвцы, — всѣ уже убрались со сцены.

«Работать уже не могу по причинѣ частыхъ головокруженій и даже читаю съ осторожностью...»

Мѣсяца четыре тому назадъ статья эта была окончена, о чемъ я тотчасъ же сообщилъ Стахѣеву, причемъ ссылаясь на тотъ отрывочный матеріалъ, которымъ мнѣ приходилось пользоваться, выражалъ нѣкоторое безпокойство относительно точности тѣхъ или иныхъ свѣдѣній, мною полученныхъ отъ разныхъ лицъ и включенныхъ въ очеркъ. На это Стахѣевъ отвѣтилъ мнѣ очень милымъ письмомъ, въ которомъ между прочимъ пишетъ:

«Какія бы свѣдѣнія обо мнѣ вы въ вашей статьѣ ни напечатали, — меня это уже мало интересуетъ. Можетъ быть, свѣдѣнія, сообщенныя обо мнѣ, не важны, можетъ быть, даже обидны, — Богъ съ ними: я уже перешелъ ту грань жизни, когда занимають челоуѣка людскіе толки. На восьмомъ десяткѣ лѣтъ пути житейскаго на все смотришь уже не тѣми глазами...

«Посылаю мой портретъ на открыткѣ, какъ послѣдній и болѣе другихъ удачный...»

Письмо это отмѣчено 29-мъ ноября 1913 года и кончается слѣдующими двумя строчками:

«Прошу передать мое почтеніе всѣмъ меня помнящимъ».

И. Гурвичъ

*Опубликовано в журнале «Исторический Вестник»,
том 138, за 1914 год, стр.152-178
OCR: Андрей Дуглас*